КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

Трагедія первой любви

И.А.БУНИНЪ. «Митина Любовь». Романъ

Новый романъ И. А. Бунина есть пару шеніе всѣхъ вѣхъ и столбовъ, коими многіе нынѣ тщатся обставить пути русской литературы.

Модно и принято:

§1: Безъ «отраженія» и «ощущенія» революціи — литература мертва, писатель— статуя прошлаго; Бунинъ пишетъ внѣвременную вещь, въ рамкахъ быта не давняго, но уже столь же историческаго, какъ бытъ «Девятаго Термидора» или даже «Рожденіе Боговъ».

§2: Психологизмъ умеръ; нужны не переживанія, но сложность фабулы композиція, громоздящая Пеліонъ на Оссу, пре избытокъ дѣйствія, сюжетъ, запутанный и полный неожиданностей; романъ Бунина укладывается въ короткую формулу: «Жилъ былъ влюбленный гимназистъ».....

§3: Стиль да уподобится разбойнику съ большой дороги: пусть вавилонской башней громоздятся гніющіе трупы, палыя лошади, разгромленныя усадьбы, красный пѣтухъ, битвы, кровопролитія, разстрѣлы, трусъ, моръ, гладъ; потопъ, нашествіе иноплеменниковъ, вѣнчаясь личностями, уже вовсе не причесанными и другого языка, кромѣ «трехъэтажнаго», не разумѣющими; «Митина любовь» — ясное, строгое зданіе, изъ прозрачнаго хрусталя: ни безъ образности, ни безобразія Нарушены всѣ параграфы, опрокинуты всѣ столбы.

Тѣмъ не менѣе: неотступное очарованіе — «какъ хорошо!» восторгъ встрѣчи съ подлинно прекраснымъ,-и даже-о, ужасъ! — совсѣмъ еретическая мысль: не вѣрю, что «эмигрантскій» Бунинъ — мертвый писатель, статуя прошлаго, собственный монументъ на площади. *Это* лучше Сейфуллиной, Пильняка, Серафиновъ, - а въ искусствѣ «лучше» - всегда живо, даже не будучи прикосновенно къ «минутамъ роковымъ» міра сего.

Проблема «Митиной любви» — остро поставленная трагедія *первой* страсти -- очень значительна.

Въ ней есть нѣкоторое двусмысліе, заставившее З. Н. Гиппіусъ заподозрить правду чувства Мити: обостренно ревнуетъ Катю, а самъ не одолѣваетъ влеченія къ другимъ, грубымъ и наглымъ, женщинамъ. Любовь - ли здѣсь? Не заглянуло -- ли въ Митино сердце «бѣлыми глазами Вожделѣніе», которое страшно близко къ смерти, если оно - не сама смерть?

Въ сомнѣніяхъ З. Н. — нѣсколько философически суховатыхъ, но, какъ всегда, интересныхъ, есть правда. Однако, — не вся.

Конечно, чувство Митино — не любовь побѣдительная, смыслъ которой раскрытъ В. Соловьевымъ.

Та - есть солнце огнезарное, въ пламени и свѣтѣ коего, человѣческая Душа утверждается, какъ нѣчто Отдѣльное отъ Міра, и ему - равно цѣнное: здѣсь - прорывъ въ бываніи, обрѣтеніе послѣдней свободы.

Поэтому, она - всегда аристократична, даже царственна: восхожденіе на высоты, въ блаженную тишину Внѣмірности.

И второе: та любовь - жертвенна, не довѣсть себѣ; человѣческій микрокосмъ обрѣтаетъ свободу отъ міра пребывающаго лишь для сліянія съ другимъ микрокосмомъ - Любимымъ Существомъ: царь коронуется чтобы сложить вѣнецъ у ногъ царицы, «Я» — вознесено къ звѣздамъ ради уничтоженія въ двуединствѣ «Я и Ты», въ «Мы»:

«Iseut ma drue, Iseut ma mie,
En vos ma mort, en vos ma vie».

— экстатически взываетъ Тристанъ (не вагнеровскій, а старой французской легенды).

У Мити, конечно, по другому, - и поэтому его гибель непохожа ни на благое очистительное успеніе Ромео и Джульетты, ни на гремящій трубою Архангела, восторгъ вагнеровской «Isolde's Liebestod» Митю жалко: бѣдное, раздавленное существо! любовникамъ Шекспира и Вагнера, завидуешь: души освобожденныя въ Незакатный Свѣтъ!

У Мити вмѣсто утвержденія Себя, — раствореніе въ круговоротѣ бытія біологическаго, настойчивость сознанія неотдѣлимости своего чувства отъ внѣшняго міра, столь зорко намѣченная Бунинымъ въ отношеніяхъ Мити къ природѣ, и, въ особенности, - въ воспріятіи чужой любви черезъ поэзію: «грозный холодъ», охватывающій Митю, при чтеніи никакъ, фактически къ нему неподходящихъ стиховъ:

«Надъ зеркальными водами,
Машутъ лебеди крылами, —
И колышится рѣка
О, приди же! Звѣзды блещутъ,
Листья медленно трепещутъ,
И проходятъ облака» —

это незабываемо, это почти геніально по глубинѣ и художественной правдѣ; а вмѣсто — тристановскаго «en vos ma mort, en vos ma vie» — подчеркнутый эгоизмъ: все сосредоточенно на *своихъ* ощущеніяхъ; не случайно, Катя - если не далекій, то удаленный образъ, видимый лишь черезъ призму Митинаго чувства: такимъ мудрымъ пріемомъ сразу опредѣлена сущность отношенія Мити къ невѣстѣ: «любовь для любви»...

И все-таки Митя любитъ по настоящему, доподлинною первою любовью. Понятіе это изрядно оклеветано прописями, вродѣ «первая любовь -- самая сильная святая, чистая» etc .

На дѣлѣ же - « зане сильна, какъ смерть » - это не про нее сказано: недаромъ Ромео полюбилъ въ Джульеттѣ свою *вторую* женщину.

Настигающая человѣка въ юную пору, когда Личность еще не осознана до конца, не выдѣлена изъ явленій Бытія, первая любовь - всегда космична «Я» еще нѣту, или оно - въ зачаткѣ, ощущается, какъ частица Макрокосма, - и чувство, естественно, вплетается въ нѣкій порочный кругъ, обращается на себя: безъ прорыва, безъ освобожденія....

Зато: обязательно Вожделѣніе (хотя моральные навыки и культурная традиція и облекаютъ его, обычно въ маску т. н. платоники).... Какъ же иначе? Первая любовь - космична, а Космосъ не можетъ обойтись безъ главной основы непрерывности своего существованія. Вотъ почему, Митя любитъ Катю, можетъ вожделѣть къ [illegible] нейзинскимъ обольстительницамъ: это очень вѣрное отображеніе - грознаго круговорота: вращается восналенное колесо Быванія, - и мечется въ его спицахъ молодая душа, еще не осознавшая что она - не часть Колеса.

Здѣсь зерно большой трагедіи: распываясь въ повторяемости космическаго процесса, первая любовь таитъ, однако, скрытую волю къ прорыву, къ утвержденію Личности,какъ категоріи независимой отъ Міра (Митина ревность, удивившая З. Н. Гиппіусъ своей моральной несправедливостью - безсознательное проявленіе этой воли: Вырваться изъ ощущеній космическихъ, утвердиться въ индивидуальномъ двуединствѣ).

Но неясность жажды - сквозь *лицо* Розалинды прозрѣть *ликъ* Джульетты, - зачастую, не позволяетъ претворить ее въ дѣйствіе, въ результатѣ: разладъ, иногда, какъ въ Митиной любви, - гибель.

И другое еще возможно разочарованіе: тайное, подсознательное исканіе Джульеты - слишкомъ часто не удовлетворяется объектомъ, къ которому привязала Розалиндина любовь. Легко негодовать «чужими, театральными словами», какъ бунинская Катя: «ты любишь только мое тѣло, а не душу!», быть можетъ, даже не подозрѣвая, какъ тяжела для всякаго любящаго - «любовь къ тѣлу» - т.е. непрерывное вращеніе въ воспаленномъ колесѣ бываній; и, какъ жаждетъ всякій любящій --- «любви къ душѣ», - т.е. освободительнаго прорыва къ вершинамъ познанія Себя, -- но, что же дѣлать, если неизреченная благость Божія предостаточно украсила міръ прекраснотѣлыми Розалиндами, и если, на несчастье человѣческаго рода --- такъ рѣдки лучезарныя души Изольдъ и Джульеттъ?.

Въ трагедіи Мити на лицо оба элемента: не выдѣливъ себя изъ міра, онъ любилъ въ Катѣ - тотъ же Міръ, то есть самого себя; иногда вставала смутная воля къ освобожденію, но, безсильная и непонятная, падала сейчасъ же, быть можетъ, потому, что жизненно - милая, и въ бытѣ, вѣроятно, очень хорошая, Катя -- все-таки не *Ликъ:* Розалинда, но не Джульетта....

Въ заключеніе нѣсколько словъ о давно извѣстномъ, но неисчерпаемомъ: о бунинскомъ языкѣ: съ неотступнымъ ощущеніемъ радостной свѣжести читаешь «Митину Любовь».... словно легкій вѣтеръ марта вѣетъ прохладою тающаго снѣга, или словно ясною ночью, смотришь на большую, синюю звѣзду - «какой то влагой драгоцѣнной столь переполненный сосудъ».....

Владиміръ Кадашевъ

«РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ». Изд. «Русскаго Очага» въ Парижѣ. Книга седьмая. 1925-й годъ: 251 стр. Цѣна: 15 фр.

Настоящая книга «Русской Лѣтописи», какъ указано въ предисловіи,вся посвящена памяти покойнаго Государя Императора Николая Александровича. Отъ каждой страницы этой книги вѣетъ неподдѣльной и искренней любовью къ покойному Царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить настойчиваго стремленія издателей и авторовъ оставаться въ предѣлахъ исторической достовѣрности въ изложеніи и оцѣнкѣ событій и фактовъ, что придаетъ этой книгѣ особенную цѣнность для будущаго историка русскаго лихолѣтія.

Изъ содержанія книги, особеннаго вниманія заслуживаетъ очеркъ С. С. Ольденбурга -- Императоръ Николай II (Опытъ біографіи), въ которомъ авторъ, еще ранѣе написавшій отдѣльный очеркъ, посвященный Государю Императору и выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ Берлинскимъ издательствомъ «Стягъ», нынѣ даетъ обстоятельное описаніе юношескихъ лѣтъ Государя, когда будущій Императоръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола, и первыхъ десяти лѣтъ Его царствованія. Въ опроверженіе нѣкоторыхъ ходячихъ представленій относительно образованія и степени подготовки къ занятію Всероссійскаго Престола Николая Александровича, авторъ подробно останавливается на личности Его наставниковъ и преподавателей, въ числѣ которыхъ были такіе выдающіеся лица, какъ г. Даниловичъ К. П. Побѣдоносцевъ, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, Е. Е. Замысловскій, Н. Х. Бунге и другіе, и вполнѣ основательно указываетъ, что Государь получилъ именно такую подготовку, какую Его Державный Родитель почиталъ правильной и необходимой для Россійскаго Самодержца, и которая соотвѣтствовала міросозерцанію Императора Александра III.

Авторъ дѣлаетъ попытку изобразить духовный обликъ Государя. Бремя огромной отвѣтственности, и строгія условія воспитанія при желѣзномъ характерѣ Его Отца, и природныя дарныя привели къ тому, что духовный обликъ Государя Николая Александровича пріобрѣлъ черты, которыя поверхностные наблюдатели считали безхарактерностью, слабостью воли. Онъ умѣлъ спокойно выслушивать мнѣнія, съ которыми не былъ согласенъ; не любилъ въ разговорѣ итти напроломъ, не любилъ рѣзкихъ открытыхъ столкновеній. Поэтому при первыхъ встрѣчахъ многіе министры думали, что на Него чрезвычайно легко вліять, что Онъ не имѣетъ собственныхъ мнѣній; и когда обнаруживали, что въ бархатной перчаткѣ была твердая рука, что отсутствіе рѣзкаго отпора не означало еще согласія, что Государь умѣлъ вести Свою линію - они недоумѣвали, иногда негодовали, и обычно изощрялись въ догадкахъ о всевозможныхъ вліяніяхъ, не желая сознаться, что просто недооцѣнили Государя, что Онъ отлично знаетъ, чего хочетъ, и не способенъ стать игрушкой ни въ чьихъ рукахъ..... (19).

Къ сожалѣнію, очеркъ С. С. Ольденбурга обрывается на порогѣ Японской войны. Надо надѣяться, что авторъ въ слѣдующей книгѣ (Русской Лѣтописи) закончитъ повѣствованіе описаніемъ второго десятилѣтія царствованія.

П. П. Стремоуховъ въ статьѣ «Императоръ Николай II и русское общество въ концѣ Его царствованія, въ освѣщеніи иностранцевъ» дѣлаетъ попытку освѣщенія личности Государя на основаніи сужденій о Немъ иностранцевъ: Французскаго посла при русскомъ Дворѣ М. Палеолога и англійскаго - Сэра Д. Бьюкенена, начальника Британской военной миссіи въ Россіи генерала Вильямса, члена французской военной миссіи проф. Дижонскаго университета Ж. Легра, воспитателя наслѣдника Цесаревича П. Жильяра и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Сужденія этихъ иностранцевъ представляютъ различную цѣнность въ зависимости отъ положенія, степени освѣдомленности, нравственнаго облика и личной заинтересованности ихъ, что и принимается П. П. Стремоуховымъ во вниманіе въ его аналитическомъ этюдѣ.

Отмѣчаемъ далѣе очеркъ убійства Царской Семьи въ Екатеринбургѣ, составленный редакціей по даннымъ предварительнаго слѣдствія, веденнаго покойнымъ Н. А. Соколовымъ, и замѣтку посвященную памяти покойнаго.

Статья П. С. Боткина - «Что было сдѣлано для спасенія Императора Николая II » - проливаетъ свѣтъ на малоизвѣстныя благородныя попытки англійскаго и испанскаго королей придти на помощь томившемуся въ заключеніи Государю, и на тоже недостаточно извѣстное странное поведеніе въ этомъ вопросѣ членовъ временнаго правительства и б. Императорскаго посла въ Парижѣ А. П. Извольскаго, проявившихъ черствое безучастіе или даже намѣренное небреженіе къ судьбѣ Царственнаго узника.

Сборникъ заканчивается трогательными воспоминаніями дѣтства С. Я Офросимовой, въ которыхъ авторъ въ рядѣ мастерски написанныхъ бытовыхъ сценокъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ встрѣчъ съ Царской Семьей.. Въ этихъ безхитростныхъ замѣткахъ передъ глазами читателя встаютъ свѣтлые и чистые образы юныхъ Великихъ Княженъ столь рано ушедшихъ изъ этого міра.

Указаніемъ на эти портреты Великихъ Княженъ, написанные любящей и преданной рукой, мы закончимъ обзоръ этого прекраснаго сборника и пожелаемъ чтобы онъ сдѣлался извѣстнымъ самому широкому кругу русскихъ читателей.

А. Петровъ.

Прага.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ Общества ревнителей военныхъ знаній и кружковъ высшаго военнаго самообразованія. Книга VI. 1925 г.

Издаваемый въ Бѣлградѣ Обществомъ ревнителей военныхъ знаній «Военный Сборникъ» является въ настоящее время единственнымъ большимъ русскимъ военнымъ періодическимъ изданіемъ заграницей, отражающимъ нашу русскую военную мысль и предоставляющимъ свои страницы для изслѣдованія какъ боевого опыта минувшей войны, такъ и вопросовъ дальнѣйшаго развитія военнаго искусства. Поэтому изданіе «Военнаго Сборника» слѣдовало бы считать русскимъ національнымъ дѣломъ, заслуживающимъ всемѣрной помощи и поддержки...

Начиная съ книги VI, «Военный Сборникъ» становится органомъ не только Общества ревнителей военныхъ знаній, но и Кружковъ высшаго военнаго самообразованія, вызванныхъ къ жизни и руководимыхъ профессоромъ бывшей русской Военной Академіи, генераломъ Головинымъ и имѣющихъ цѣлью дать возможность находящимся въ эмиграціи русскимъ офицерамъ уяснить себѣ главнѣйшіе выводы изъ опыта Міровой войны, слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ тактическихъ идей и поддерживать свои военныя знанія на соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ высотѣ.

Работа по военному самообразованію, неосильная при тяжелыхъ условіяхъ бѣженской жизни для отдѣльнаго лица, осуществима лишь при объединеніи въ кружки, группы или союзы, такъ какъ ознакомленіе хотя бы съ минимальной частью обширной новѣйшей военной литературы требуетъ очень большихъ расходовъ, а разобраться въ огромномъ печатномъ матерьялѣ невозможно безъ компетентнаго руководства и направленія. Общее руководство и направленіе въ столь важномъ начинаніи и взялъ на себя генералъ Головинъ.

Въ этомъ отношеніи въ книгѣ VI «Военнаго Сборника» прежде всего заслуживаетъ вниманія написанное съ большимъ подъемомъ письмо ген. Головина о военномъ самообразованіи, въ которомъ дается, между прочимъ, перечень наиболѣе необходимыхъ въ цѣляхъ самообразованія современныхъ военныхъ изданій.

Еще большее значеніе въ указанномъ смыслѣ имѣетъ рядъ очерковъ генерала Головина, имѣющихъ задачей намѣтить тѣ пути, по которымъ должно пойти возсозданіе русской арміи, и объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Мысли объ устройствѣ будущей Россійской вооруженной силы».

Въ книгѣ VI «Военнаго Сборника» напечатаны первые пять очерковъ, касающіеся вопросовъ о значеніи военной доктрины, современнаго огня, качества и количества войскъ. Очерки эти являются весьма цѣнной попыткой дать отправныя точки и намѣтить главныя основанія для выработки русской военной доктрины. Тема эта чрезвычайной важности. Русская армія, въ отличіе отъ германской, вплоть до самой Міровой войны страдала именно отсутствіемъ единой военной доктрины, отсутствіемъ единства взгляда на приложеніе общихъ основныхъ принциповъ военнаго искусства къ современной дѣйствительности. Между тѣмъ - «одинаковый взглядъ на вещи приводитъ къ единству мысли; единство мысли - къ единству дѣйствія» (слова маршала Фоша). Безъ такого единства не можетъ быть правильно рѣшена и задача возсозданія вооруженной силы Россіи, ея организаціи и ея подготовки къ войнѣ.

Въ связи съ вопросомъ о выработкѣ военной доктрины имѣютъ значеніе помѣщенные въ «Военн. Сборникѣ»: переводъ объяснительной записки къ германской инструкціи: «Управленіе и бой всѣхъ родовъ войскъ, дѣйствующихъ совмѣстно», а также окончаніе перевода французской «Временной инструкціи для тактическаго употребленія крупныхъ соединеній».

Параллельное изученіе обѣихъ инструкцій и сопоставленіе идей, легшихъ въ ихъ основаніе, дадутъ возможность уяснить себѣ общіе выводы, сдѣланные въ Германіи и Франціи изъ опыта минувшей войны, и ознакомиться съ господствующими нынѣ взглядами на веденіе современнаго боя, а основныя различія между ними укажутъ на постоянство національныхъ особенностей германской и французской военныхъ доктринъ, которыя не могла сгладить и міровая война..

Изъ другихъ статей 6-й книги «Военнаго Сборника» обращаетъ на себя вниманіе статья К. З. Ахаткина - «Сарыкамышъ», въ которой авторъ, самъ участникъ Сарыкамышской операціи въ декабрѣ 1914 г., даетъ яркую картину этого блестящаго эпизода борьбы на Кавказскомъ фронтѣ.

Любопытна статья Э. А Верщинскаго «Кризисъ дисциплины во время Великой войны».

Сверхъ того помѣщены: окончаніе изслѣдованія генерала Головина «Современная конница», послѣдняя изъ ряда статей генерала В. М. Драгомирова «Подготовка русской арміи къ Великой войнѣ» и проч.

Къ сожалѣнію, матерьяльныя трудности испытываемыя редакціей «Военнаго Сборника» и обуславливаемое этимъ его рѣдкое появленіе (одинъ разъ въ 10-12 мѣсяцевъ)не позволяли дать до сихъ поръ надлежащаго развитія библіографическому отдѣлу, который въ настоящее время совершенно неудовлетворителенъ. Между тѣмъ знакомство съ иностранной военной литературой для русскаго военнаго читателя чрезвычайно важно и нельзя не высказать пожеланія, чтобы найдена была возможность развить библіографическій отдѣлъ Военнаго Сборника въ надлежащей мѣрѣ.

С. Воронинъ.

21 іюля 1925 г.
Прага.

СПИСОКЪ КНИГЪ ПОЛУЧЕННЫХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА РЕДАКЦІЕЙ «ВОЗРОЖДЕНІЯ»

И. В. ЕМЕЛЬЯНОВЪ. Кооперативное объединеніе, какъ предпріятіе. Стр. 24. Прага 1925.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ. Еженедѣльный журналъ, нум. 2 и 3.

СТРАННИКЪ. Богословскій журналъ. Ном. 1. Бѣлградъ, 1 мая 1924.

Е. ШМУРЛЮ. Петръ Великій и его наслѣдіе. Рѣчь. Стр. 6. Прага 1925.

Benediktinische Monatschrift. N. 5-6. 1925.

V. Sineokow. Quelques faits historiques sur des relations russo-géorgiennes. Dépôt : Librairie Picart, Pp. 8. Paris 1925.

A. Tchékhov. Théâtre. Trad. par Denis Roche. Plon, Pp. 302. Paris 1925.

ВЪ ГЕРМАНІИ

ЗА ПРОПАГАНДУ ВЪ СТИХАХЪ

«Правда» (28 іюля) сообщаетъ, что въ лейпцигскомъ государственномъ судѣ слушалось дѣло актера Гертнера Рольфа, обвинявшагося въ томъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1923 года онъ руководилъ художественной частью вечера въ честь седьмой годовщины октябрьской революціи, на которомъ, между прочимъ, было продекламировано стихотвореніе, посвященное памяти Ленина.

Предсѣдатель суда, Ниднеръ, извѣстный по ряду процессовъ противъ коммунистовъ, заявилъ Рольфу, что «всякому образованному человѣку должно быть извѣстно, насколько зажигающе дѣйствуетъ подобная декламація».

Судъ приговорилъ Рольфа къ одному году и тремъ мѣсяцамъ заключенія и штрафу въ 100 марокъ.

КРИЗИСЪ ВЪ РУРѢ

Промышленный городъ Гомбергъ, находящійся около Дюисбурга, въ виду общаго кризиса переживаемаго Рурскимъ райономъ, находится въ такомъ тяжеломъ финансовомъ состояніи, что можетъ уплатить своимъ служащимъ только половину причитающагося имъ содержанія.

Реми де Гурмонъ

Изъ цикла „Симона"

МЕЛЬНИЦА

Симона, мельница стара. Водой запрудъ
Вращаясь, мшистыя вершатъ колеса трудъ.
И страшно! кружатся,идутъ колеса.
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
Здѣсь шумъ и грохотъ, дрожь прозеленѣвшихъ стѣнъ,
И — будто пароходъ во тьмѣ межъ волнъ и пѣнъ.
И страшно: кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
Здѣсь стонутъ жернова, во тьмѣ, гижки и сѣды;
Могуче - кроткіе и старые, какъ дѣды.
И страшно! кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
Столь кроткіе! дитя остановитъ и въ ходъ
Пустить ихъ можетъ вновь власть малой струйки водъ.
И страшно! кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
Пшеницу, рожь, ячмень они въ помолы трутъ,
Богатымъ, бѣднякамъ, — лишь былъ бы полонъ прудъ
И страшно! кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
И, какъ апостолы, въ трудахъ они добры;
И, какъ апостоловъ, намъ святы ихъ дары.
И страшно! кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
Хлѣбъ, хлѣбъ они даютъ и людямъ и — друзьямъ,
Длань нашу любящимъ, — трудящимся звѣрямъ.
И страшно! кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
И стонутъ, кружатся въ слезахъ, на лонѣ мира,
Они отъ первыхъ дней и отъ начала міра.
И страшно! кружатся, идутъ колеса,
Какъ будто вѣчная имъ казнь.
Симона, мельница стара. Водой запрудъ.
Вращаясь мшистыя вершатъ колеса трудъ.

С. Серапинъ

ОКАЯННЫЕ ДНИ

ИЗЪ ОДЕССКАГО ДНЕВНИКА 1919 Г.

4 мая.

Погода улучшается. Дворъ подъ синимъ небомъ, съ праздничной весенней зеленью деревьевъ, съ ярко бѣлѣющей за ней стѣной дома, испещренной пятнами тѣни, прекрасенъ. Въѣхалъ во дворъ какой - то красноармеецъ, привязалъ къ дереву своего жеребца, чернаго, съ волнистымъ хвостомъ до земли, съ полосами блеска на крупѣ, на плечахъ — стало еще лучше. Евгеній играетъ въ столовой на піанино. Боже мой, какъ больно отъ этой красоты!

Были у В. А. Розенберга. Служитъ въ кооперативѣ, живетъ въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ женой; пили жидкій чай съ мелкимъ сорнымъ изюмомъ, при жалкой лампочкѣ... Вотъ тебѣ и редакторъ, хозяинъ «Русскихъ Вѣдомостей»! Со страстью говорилъ «объ ужасахъ царской цензуры». Кошмаръ, вездѣ кошмаръ!

5 мая.

Видѣлъ себя во снѣ въ морѣ, блѣдно - молочной, голубой ночью, видѣлъ блѣдно-розовые огни какого - то парохода и говорилъ себѣ, что надо запомнить, что они блѣдно - розовые. Къ чему теперь все это?

Анилагъ «Голоса Красноармейца»:

«Смерть погромщикамъ! . Враги народа хотятъ потопить революцію въ еврейской крови, хотятъ, чтобы господа жили въ писанныхъ хоромахъ, а мужики въ хлѣву, на гнойникахъ (?) съ коровами, гнули свои спинушки для дармоѣдовъ - лежебоковъ...».

Во дворѣ у насъ женится милиціонеръ. Вѣнчаться поѣхалъ въ каретѣ. Для пира привезли 40 бутылокъ вина, а вино еще мѣсяца два тому назадъ стоило за бутылку рублей 25. Сколько же оно стоитъ теперь, когда оно запрещено и его можно достать только тайкомъ?

Статья Подвойскаго въ кіевскихъ «Извѣстіяхъ»: «Если чернымъ шакаламъ, *слетѣвшимся* въ Румынія, удастся выполнить свои замыслы, то рѣшится судьба міровой революціи... Черная банда негодяевъ... Хищные когти румынскаго короля и помѣщиковъ...». Затѣмъ призывъ Раковскаго, гдѣ между прочимъ есть такое мѣсто: «Къ сожалѣнію, украинская деревня осталась такой - же, какой ее описывалъ Гоголь — невѣжественной, антисемитской, безграмотной... Среди комиссаровъ взяточничество, поборы, пьянство, нарушеніе на каждомъ шагу всѣхъ основъ права... Совѣтскіе работники выигрываютъ и проигрываютъ въ карты тысячи, пьянствомъ поддерживаютъ винокуреніе...».

А вотъ новое произведеніе Горькаго, его рѣчь, сказаная имъ на дняхъ въ Москвѣ, на съѣздѣ Третьяго Интернаціонала. Заглавіе такое: «День великой лжи». А вотъ содержаніе:

— Вчера былъ день великой лжи. Послѣдній день ея власти.

— Издревле, точно науки, люди заботливо плели крѣпкую паутину осторожной мѣщанской жизни, все болѣе пропитывая ее ложью и жадностью. Незыблемой истиной считалась циничная ложь: человѣкъ долженъ питаться плотью и кровью ближняго.

— И вотъ вчера дошли по этому пути до безумія общеевропейской войны, кошмарное зарево ея сразу освѣтило всю безобразную наготу древней лжи.

— Силою взрыва терпѣнія народовъ изгнившая жизнь разрушена и ее уже нельзя возстановить въ старыхъ формахъ.

— Слишкомъ свѣтелъ день сегодня и, оттого такъ густы тѣни!

— Сегодня началась великая работа освобожденія людей изъ крѣпкой, желѣзной паутины прошлаго, работа страшная и трудная, какъ родовыя муки..

— Случилось такъ, что впереди народовъ идутъ на рѣшительный бой русскіе люди. Еще вчера весь міръ считалъ ихъ полудикарями, а сегодня они идутъ къ побѣдѣ или на смерть пламенно и мужественно, какъ старые, привычные бойцы.

— То, что творится сейчасъ на Руси, должно быть понято, какъ гигантская попытка претворить въ жизнь, въ дѣло великія идеи и слова, сказанныя учителями человѣчества, мудрецами Европы.

—И если честные русскіе революціонеры, окруженные врагами, измученные голодомъ, будутъ побѣждены, то послѣдствія этого страшнаго несчастія тяжко лягутъ на плечи всѣхъ революціонеровъ Европы, всего ея рабочаго класса.

— Но честное сердце не колеблется, чистая мысль чужда соблазну уступокъ, честная рука не устанетъ работать — русскій рабочій вѣритъ, что его братья въ Европѣ не дадутъ задушить Россію, не позволятъ воскреснуть всему, что издыхаетъ, исчезаетъ — и исчезнетъ!

Вѣра показываетъ мнѣ вырѣзку изъ горьковской «Новой Жизни» отъ 6 февраля прошлаго года:

— А вотъ посмотри, что Горькій писалъ годъ тому назадъ объ этихъ честныхъ революціонерахъ:

«Передъ нами компанія авантюристовъ, которые, ради собственныхъ интересовъ, ради промедленія еще нѣсколькихъ недѣль агоніи своего гибнущаго самодержавія, готовы на самое постыдное предательство интересовъ родины и революціи, интересовъ соціализма, интересовъ россійскаго пролетаріата ,именемъ котораго они безчинствуютъ на вакантномъ тронѣ Романовыхъ!».

Подумаешь, чѣмъ захотѣла убить человѣка!.

Ив. Бунинъ.